

Я одергиваю юбку и еще раз поправляю ремешок, а затем стучусь в дверь. Слышу голос Николая Павловича, но что именно он говорит не разбираю, поэтому проскальзываю в кабинет и замираю на пороге. Николаю Павловичу всего двадцать шесть. Он до сих пор не женат, но в группе ходят странные слухи о его пристрастиях в отношении старшекурсников. Для меня Николай Павлович был идеалом мужчины, поэтому я отметала в стороны все слухи все так же продолжала в тайне любить его. До вчерашнего дня, пожалуй. На паре он вызвал Максима к доске. Тот, конечно, как всегда не подготовился, а задание было трудным. Уже чере две минуты мы строчили в тетрадах то, что диктовал Николай Петрович. Макс в этот момент вырисовывал схемы на доске. Я на мгновение отвлеклась и уставилась на тонкий профиль Николая Петровича, а после заметила, как он смотрит на задницу Макса. О, как же я негодовала! Он сидел чуть покачиваясь на стуле, пальцами правой руки он постукивал себя по подбородку, а томно прикрытыми глазами смотрел на Макса. Видно почуяв мой взгляд, он принял нормальное положение и пристально посмотрел мне в глаза. После этого я старалась избегать встречаться с ним взглядом, хоть и чувствовала, как он каждый раз возвращается ко мне.

Еще трех часов хватило на то, чтобы решится. И пара часов на подготовку.

Николай Петрович что-то быстро печатал на компьютере и казалось не обращал на меня внимания. Он что-то пробубнил и откинулся на спинку кресла, а затем устало потер переносицу. — Ну, а ты чего пришла, Савельева? — Кхм... на счет курсовика. — Так рано еще! — он посмотрел на часы. — Я кое-что уточнить. — Показывай. Я быстро подошла к нему, протянула листы. — Где спорный вопрос? — он перелистывал заготовки с пометками. — Вот. — я наклонилась так, чтобы в вырез ярко-алой блузки были видны полушария груди. Он перевел взгляд на вырез и выпал из реальности на несколько секунд, а потом судорожно сглотнул. — Чего именно Вы хотите... эээ... Наташа? Он вскочил кресла и двинулся к двери. — Всего лишь помощи, Николай... Павлович.

Я расстегнула четвертую пуговку. — Помощь, говорите. — он закрыл дверь на замок и дернул ее, чтобы удостовериться. Я уже сидела в кресле и медленно стягивала с себя блузку открывая его взору прозрачное кружевное белье.

Сам он сел на край стола пере до мной и ослабил галстук. Я кинула блузку на пол и провела ладонками по грудям, отчего соски превратились в две горошины, призывно выступая сквозь тонкую ткань. Я откинулась на спинку кресла и немного сдвинулась, чтобы принять удобное положение. Широко развела ножки, отчего юбка задралась чуть выше середины бедра обнажая подвязки чулков. Он наблюдал за мной сложив на груди руки, но бугор в его брюках уже кое о чем говорил.

Я провела левой ладонкой по внутренней стороне бедра и задрала юбку, открывая насквозь мокрые трусики. И следом за этим начала ласкать себя сквозь тонкую ткань. Складки набухли и трение ткани доставляло большее удовольствие, Чем забавы с собственными пальчиками. Правой рукой я освободила свою крепкую и сочную грудь второго размера из плена белья всего лишь сдвинув его вниз. Из-за этого она приподнялась, а соски, нежного персикового цвета так «кричали», чтобы кто-то поиграл ими если не языком, то хотя бы пальчиками. Я немного отвлеклась, быстро запустив правую ладонь в трусики, а затем, вынув ее, потрогала

влажными пальчиками сосок, обмазывая его своими соками и продолжая тереть его. Лево́й ладошкой я продолжила гладить себя.

Николай Павлович же не торопясь расстегнул пояс, ширинку и вытащил на свободу свой член. О, такого я еще нигде не видела. Даже актеры тех фильмов, что я посмотрела на кануне, не могли похвастаться подобным размером. Он был большой, с прожилками сосудов и манящей головкой. (Специально для ) Сейчас он только наливался силой и мне, признаю, в какой-то момент стало страшно. Николай Петрович обхватил его левой ладонью и большим пальцем начал массировать головку, левой же он легонько водил он правой ладони к основанию.

Я почувствовала, что вот вот кончу и остановившись на несколько секунд сбросила с себя юбку и трусики оставшись в лифчике, чулках и шпильках. Я еще шире развела ноги и всей ладошкой надавила на клитор, отчего по телу прошла приятная дрожь а затем обмякла в кресле. — Ну что же ты, Наташа... — он прошептал это, но мне казалось, будто прокричал.

Я, словно замороженная опустилась на колени и приблизилась к нему. Освободила член из плена его рук и взяла головку в рот, но дальше его вбирать в себя побоялась. Николай Петрович же решил все сам и вцепившись мне в волосы начал насаживаться на мой рот. У меня возникли рвотные позывы, но останавливаться прямо сейчас я не решилась. Всего пара секунд и он понял, что таким способом от меня ничего не добиться, поэтому он поднял меня с коленей и опустил животиком на стол, широко развел ноги, а после одним толчком вошел в меня на всю длину. Мне стало больно и я задержалась под ним. — Девственница! Ну хоть одна. А то я уж думал, что вас всех тут перетрахали. — он шептал мне на ушко таки страстным тоном, будто признавался в любви.

— Мне... больно! — Не бойся. Сейчас будет хорошо. — и он начал медленно двигаться. Он положил ладони на низ моего живота и надавил на него, отчего к боли примешалось острое чувство удовольствия и я начала постанывать. Сам он лишь тяжело дышал. Его правая ладонь спустилась к моему клитору и пальцы начали выводить лишь ему одному понятные знаки, а член при каждом рывке упирался в матку. Еще пара движений и тело его напряглось. Он дернулся и излился в меня приятным теплом. Я почувствовала, как семя его сбежало влажной дорожкой по левому бедру, а потом и сама кончила, даже не столько от всех его манипуляций, сколько от веса тела над собой и спермы, которую мне от чего-то захотелось попробовать на вкус. Он вышел из меня и усадил в кресло, а сам устроился у моих ног. — Есть еще вопросы по курсачу? — Есть, Николай Павлович. — В таком случае, завтра у меня. Адрес я тебе позже дам.